

Светлана Леонтьева

ЖЕНЩИНА ИЗ ПРОВИНЦИИ

* * *

Светлана Геннадьевна Леонтьева родилась в Свердловске. Окончила Нижегородский государственный университет. Работала воспитателем, сурдопереводчиком на Горьковском автозаводе, Нижегородском телевидении. В настоящее время — предприниматель. Главный редактор альманаха «Третья столица». Публиковалась в ведущих московских и региональных изданиях. Автор 31 книги прозы и поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Меня воспитывали по-спартански:
нельзя бояться, когда сугробы,
нельзя котенка, собаку хаски,
девичество береги ты в оба!

Беги три круга по стадиону,
давай отпор, кто ругнется на мате.
Плутарх, сказавший о Древней Спарте,
мне позавидовал бы сегодня.

Водой холодной меня обливали,
к конькам фигурным, как в пропасть Кеады,
меня приучали профессионально,
как будто бы для Олимпиады!

И я росла, все подряд читала
и рисовала,
чуть привирала, от Фиолента и до Ямала
так же, как все остальные дети.
Меня воспитывали по-пацански,
но не мальчишка я! Просто Света.

Держали так строго, как в черном теле,
любая провинность каралась жестко.
Спасибо, право, что не догрели,
не доваляли в теплой постели.
Теперь скупа я на ласки и слезки!

Прошла суровую школу, ибо
сама, считай, я детей взрастила,

сама рожала, без анальгина
и без защиты жила, как без тыла!

И знаю, в старости не расклеюсь,
не опараличусь, не сяду в кресло.
Не стану нести я всякую ересь,
покуда страна — моя, с ней я вместе!

И стану я хлопотать над теми,
кому сегодня трудней перед крахом!
Не зря Плутарх написал, что время
всегда сурово.
Я верю Плутарху!

* * *

Волонтерство — это не то, что лежишь на диване,
диктуя номер на карте Сбербанка синенькой!
Это нечто огромное в малом, подобно nirване,
как сама ты становишься Воинства иноком!

Как не пить,
не курить,
не вступать...

Ты становишься служкой.
Перешагивая через собственный, в лежку лежащий в бреду
да в горячке под сорок, испив аспирин, ибо — нужно,
через собственный бранный фантом, и спешишь! Я иду!

И таскаешь ты банки с вареньем (старушка прислала!).
И таскаешь бутылки с водой, и едой, и бельем.
Это было вначале еще в феврале красноталом,
а теперь по-иному! Сквозь песню, что мы не урем.

Продиктую, как надо: на сайте Михеева — жгите!
Там инструкция есть! К остальным я почти не хожу.
...Чебурашку я шью. Из суровой, из бабкиной нити.
Чебурах-оберег.
Чебурах-охранитель движух.

Все во славу идет — крест, булавки, монета, иголка,
символ рода, сварожич, трава-одолен, тень-вода.
И пусть буду я — свет, как от скрипки безудержно тонкий.
И пусть буду я — свет между смертью и жизнью всегда.

Обретателям премий и конкурсов — мне просто стыдно,
воспевателям цветиков-лютиков — бросьте! Се лишь — бирюза.
Чебурах, Чебурах — рыжий, наглый мой, пулею битый,
деревяшка кудлатая,
пуговичные глаза...

Но когда к комуфлу ты прицеплен советской простою булавкой,
ты становишься силой медвежьей, и волчьей, и божьей в сто крат!
...А прицепят на елку такого, то будет он лаять и рывкать,
охраняя своих! И моих! И Господних солдат!

* * *

У кого как. А я — женщина из провинции.
Сахарову ссылка, а мне — дом родной!
Анненковым ссылка!
(посметь бы вырасти
также до каторги, маясь виной!)

А мне — Большая Печерская — вся по жизни!
И особенно кладбище, где люблю я гулять.
И Острог на Свободе, где Феликс Дзержинский
отбывал наказание, Союзпечать

возле улиц Ошарская, мимо Белинки
здесь купить «Литгазету» могла я всегда,
а еще на бандитско-Канавинском рынке
отоваривался мой народ без труда.

Да, им ссылка.
Им ссылка.
А нам — что копилка.
Нам ларец. Шамшученков и Горький в придачу.
Короленко — на дачу. И Кочин — на сдачу.
Нам — священное место. А им — пересылка!

Тот, кто нынче взял-выиграл грант Президентский,
тот, кто ушлый, тот выиграл премию, конкурс.
Неужели за это они все боролись?
Каторжане да ссылочные, диссиденты?
Отщепенцы, наивные, словно младенцы?
Из провинции я! Рассуждаю по-женски.

Им окраина. А мне град-ось. Центр. Сближенье.
Им тюрьма. По этапам. Тропа мне — царева.
Инда я побреду... ах, деревня, деревня!
Как же ново в тебе всем другим, что не ново!

ШКАФ

Бывают ночи, полночи и дни,
когда ты, как дурная, рада шкафу!
И, кажется, скажи ему: «Дай лапу!» —
как псу, да что там пес, он преданнее и
послушней пса! Он равен лишь Ассолу
по ожиданию. Вот-вот, из недр скользя,
сбиваясь с курса, отразят консоли
алеющие морем паруса!

Ах, это чудо — чудо-антресоли,
в них куртки детские, в них валенки, платки
из Вологды кружавчатые. Моли
так не прогрызть! В углу — фигурные коньки.
А я на них каталась! Пируэты
крутила, «ласточку» и даже «пистолетик»
могла исполнить ловко, мастерски!

«Так умереть, что даже на Таганке
отменят Гамлета», а шкаф не умирал.
И не в сбербанке прятали, а в банке
зачапку, чтоб найти ее с утра,
«на черный день» отложенную, впрочем,
как и «на белый день» монеток горсть.
Мой труженик, боец, чернорабочий,
мой шкаф,
солдат, основа, центра ось!

Не выброшу, хоть сгнили ножки слева,
собаки исцарапали весь бок.
Но музыка! Там музыка Шопена,
ларек, лубок и сказочный раек.
Рифмованная проза, балаганчик,
вертеп, Петрушка — отморозил пальчик,
салазки, дети, солнечный денек!

Вот платье мамино. И пахнет, пахнет мамой,
косынка бабушки и пахнет только ей.
Я так скучаю.
Больно где-то в самой
мой груди жарче и острее!

Ты свет очей моих. Ты свет очей!
На полках тесно от старья, вещей
моих, и мужниных,
и детских!
Дети скоро
внучат встречать в роддомы побегут.
А ты стоишь, надмирный, как опора,
и меркнет смерть, пока ты здесь, и Страшный Суд!